

ANTONI MIRONOWICZ
Uniwersytet w Białymstoku

Святитель Георгий (Конисский)
20.11.1717 - 13.02.1795

Владыка Георгий прибыл в белорусскую епархию в период попытки ликвидации этого последнего на территории Речи Посполитой православного епископства [Вержболович 1893; Сапунов 1889; Могилевская епархия 1905; Лапински 1906; Mironowicz 2008b]. После смерти в 1755 г. могилевского епископа Иеронима Волчанского (1735-1754 гг.) [Mironowicz 2008a: 399-417] униатская партия предприняла попытки овладения могилевской епархией. Униатский митрополит Флориан Гребницкий (1748-1762 гг.) не оставил полоцкого архиепископства и стремился подчинить себе православную епархию, ссылаясь При этом на якобы существующий привилей Сигизмунда III Вазы от 22 марта 1619 г., согласно которому мстиславская епархия переходила в подчинение униатских полоцких архиепископов [Likowski 1906: 84]. Неизвестный привилей был фальсифицирован, а его содержание не соответствовало реальным фактам: белорусская епархия (мстиславско-оршанско-могилевская) была создана на четырнадцать лет позже, уже после

смерти Сигизмунда III. Невзирая на то, что документ не был достоверным, униатский митрополит подал иск о признании ему юрисдикции над православной епархией. Папа римский Бенедикт XIV (1740-1758 гг.) также потребовал от Августа III Саксонца (1733-1763 гг.) ликвидации православного епископства. В высланном коронному канцлеру Яну Малаховскому (1746-1762 гг.) бреве римский понтифик призывал польское правительство к передаче окормления мстиславской кафедры полоцкому униатскому архиепископу в отсутствие православного предстоятеля [Likowski 1906: 85; Сапунов 1889: 159; Bartoszewicz 1880: 256].

В защиту православного епископства выступила императрица Елизавета (1741-1762), которая подала протест в отношении попыток униатов распространить свою власть на последнюю православную епархию. Под давлением российского резидента в Варшаве Гросса король подтвердил права Православной Церкви на могилевскую епархию, а Священный Синод Российской Православной Церкви в Петербурге 23 мая 1755 г. избрал предстоятелем могилевской епархии ректора Киевской Духовной Академии Георгия Конисского, который нес служение православного епископа в Речи Посполитой в 1755-1785 гг.

Георгий Конисский родился 20 (31) ноября 1717 г. в Нежине на Черниговщине, в семье белорусского шляхтича. В 1738 г. он начал учебу в Киево-Могилянской академии, а после окончания учебы в 1744 г. преподавал богословие и пиитику в той же академии. В 1746 г. Конисский составил учебник *Praecepta de arte poetica*, а также написал трагикомедию «Воскресение мертвых», в которой представил сатирические образы из жизни современного ему общества. Трагикомедия была написана в соответствии с образцами школьной поэзии и не была лишена элементов народного говора и юмора. К драме было дописано пять различных произведений бытового характера. В 1747 г. Георгий Конисский стал префектом Академии, в 1749 г. был рукоположен в сан иеромонаха, а в 1751 г. принял должность ректора и послушание архимандрита братского монастыря. В должности ректора Георгий Конисский оставался до 1755 г., до избрания его согласно решению Священного Синода был епископом могилевской епархии [Serczyk 1997: 534].

Королевский привилей на белорусскую епархию Георгий Конисский получил уже 23 марта 1755 г., т.е. ранее, нежели появилось постановление Синода по этому вопросу, что свидетельствует о том, что кандидатура Конисского была ранее оговорена с властями Речи Посполитой, а церковные власти ее приняли. Епископская хиротония Георгия Конисского была совершена 20 августа того же года в киевском соборе Св. Софии. Хиротонию возглавил митрополит Тимофей Щербатский (1747-1768 гг.) [Сапунов 1889: 159; Грыгаровіч 1992: 24]. В сентябре в Киев прибыла делегация белорусской епархии, состоявшая из двух представителей духовенства и верующих, чтобы сопровождать новопоставленного епископа по дороге в его епархию.

В день церковной памяти св. мч. Димитрия Солунского, 8 ноября 1755 г., Георгий Конисский прибыл в Печерск, откуда торжественно въехал в Могилев [Археографический сборник 1867 / II: LXVIII]. Предстоятель белорусской епархии сам описал свое прибытие: «приблизившись к Могилеву, я, прежде всего, увидел свой кафедральный собор в большом не порядке и бедности в сравнении с римскими костелами и еврейскими школами, красиво выделенными и богато украшенными; православный кафедральный собор значительно выделялся и обращал на себя внимание и смех инноверцев» [Титов 1907: 220]. Новый предстоятель епархии хоть и был удивлен материальным состоянием храмов, предпринял активные действия в поиске материальных средств.

В это же самое время по благословению митрополита Тимофея Щербацкого, с согласия князя Иеронима Флориана Радзивилла, виленского хорунжего (1755-1760 гг.), слуцкий архимандрит Михаил Колачинский перенес мощи св. Гавриила Заблудовского из Заблудовского монастыря Успения Пресвятой Богородицы в монастырь Св. Троицы в Слуцке. На землях белорусской епархии в православной среде развивалось почитание новоканонизированных мучеников за веру, часто носившее антиуниатский характер. Особенно распространенным на землях Великого Княжества Литовского было почитание св. Гавриила Заблудовского. Канонизация мученика имела место после 1720 г. [Минская епархия 1864: 116-117; Mironowicz 1987: 38-39; id. 1998: 100-102].

В тот период, когда белорусской епархией управлял епископ Георгий Конисский, Могилев был одним из наиболее традиционных центров православия в Речи Посполитой. Согласно переписи в 1758 г., в Могилеве было девять православных церквей и два монастыря. У униатов находилось два прихода, а у латинников — пять приходов и три монастыря (кармелитов, иезуитов, бернардинов) [Историко-юридические материалы 1885: 476]. Как предстоятель могилевской епархии, Георгий Конисский развернул широкую политическую деятельность. В ноябре 1756 г. он выслал в Петербург иеромонаха Иоанна Тудоровича из шкловского монастыря с письмами, в которых информировал Священный Синод и различных выдающихся деятелей о неоконченном строительстве собора и епископского дома. Владыка подчеркивал при этом хорошее состояние латинских костелов и еврейских божниц, обращая также внимание на необходимость повышения интеллектуального уровня духовенства в своей епархии. Георгий Конисский писал о необходимости строительства новых келий для монахов и отсутствии образованных людей. Он предлагал открыть в Могилеве семинарию и просил о выделении епархии 1000 рублей. Синод с пониманием принял предложения епископа Георгия и потребовал представить план строительства церкви. Однако только после представления виленским архитектором Яном Кристофором Глаубицем (1700-1767 гг.) плана строительства храма и длительных пере-

говоров в Петербурге Синод решил выделить на строительство кафедрального собора Преображения Господня 10 000 рублей. Императрица подтвердила решение Синода 25 мая 1758 г. и распорядилась назначить 400 рублей ежегодно на содержание семинарии. Тудорович привез деньги в Могилев в апреле 1758 г. [Могилевская епархия 1905: 40-41]. После получения средств можно было приступить к строительству церкви. Строительство продолжалось три года и завершилось в 1762 г., хотя внутренняя отделка и некоторые дополнительные работы продолжались до 1775 г. Десятью годами позже была построена каменная колокольня. В соборную церковь была перенесена чудотворная икона Пресвятой Богородицы, копия иконы, погибшей в пожаре в 1708 г. [ibid.: 42-43]. В 1759-1760 гг. закончился ремонт братской Церкви Богоявления, осуществленный за счет могилевского братства при материальной помощи епископа Смоленского Гедеона [ibid.: 67]. В это время монастырю принадлежали каменные церкви Богоявления и св. Иоанна Богослова, колокольня, деревянное здание больницы и типографии, шесть магазинов, деревянный дом настоятеля и несколько других каменных и деревянных зданий, предназначенных для келий братии и хозяйственных целей [Чарняўская 1973: 1-11, 19-21; Mironowicz 2014: 262-263].

Епископ Конисский добился нормализации внутрицерковных дел. Примером может служить ситуация в церкви свв. Петра и Павла. Приходское братство приняло там на себя множество функций священнослужителей, например, печение просфор. Владыка выступал против таких практик и распорядился, чтобы просфоры выпекало духовенство прихода [Могилевская епархия 1905: 182-183]. Благополучно укладывалось сотрудничество белорусского епископа с митрополитом Киевским. Епископ Георгий оказался хорошим организатором и дипломатом. Духовенство из подчиненных его власти монастырей не протестовало, хотя еще при предшественниках такие решения вызвали многолетние конфликты и юрисдикционные споры. Решение о подчинении Георгию Конисскому Буйничского и Баркулабовского монастырей принял митрополит Тимофей Щербацкий в 1756 г. С предложением передачи ему юрисдикционной власти над остальными монастырями выступил сам Георгий Конисский, мотивировав свое предложение тем, что навести в них порядок может только он, единственный православный епископ в Речи Посполитой. В своем письме владыка описал нарушения принципов монашеской жизни в Кутенском и Тупичевском монастырях. Ранее от имени митрополита белорусский владыка предпринял попытки разрешить конфликт вызванный игуменом витебского монастыря Иакинфом Пелкинским [Титов 1916: 72, 80-81, 105-106]. В сложившейся ситуации митрополит Киевский Арсений (Могиланский) (1757-1770 гг.) решением от 19 мая 1759 г. передал Георгию Конисскому управление над некоторыми монастырями, находившимися вне границ могилевской епархии и остававшимися в юрисдикции киевских митрополитов [ibid.: 109-111].

Следует подчеркнуть, что передача в юрисдикцию белорусского епископа некоторых монастырей, находящихся под власть митрополита Киевского, имела добровольный характер и не была урегулирована соответствующими решениями церковных властей. Георгий Конисский не имел над ними епископской власти. Утверждение и увольнение настоятелей этих монастырей по-прежнему оставалось в компетенции киевских митрополитов. Препятствием к передаче полной власти белорусским епископам были акты фундаментов тех монастырей, излагавшие волю фундаторов, требовавших, чтобы монастыри оставались в юрисдикции константинопольских патриархов либо их экзархов, киевских митрополитов. Свою роль сыграли также практические нужды. Подчиненные киевскому митрополиту монастыри пользовались поддержкой России, и этот факт был хорошо известен католикам, а попытки их присвоения униатами приводили к нежелательным последствиям в международных отношениях. Формально такой защитой не пользовались монастыри, находящиеся под властью моголевского епископа. Эти аргументы в числе прочих приводились в письме игумена Марковского Витебского монастыря Иакинфа Пелкинского митрополиту Арсению от 17 сентября 1759 г. [ibid.: 113-114]. В свою очередь, аргументом в пользу передачи монастырей в юрисдикцию белорусских епископов был факт их месторасположения в границах Речи Посполитой и вследствие этого возможность подавать протесты и жалобы в случае нарушения их прав, а также возможность осуществлять архипастырский контроль над жизнью монастырей.

Особое внимание Георгий Конисский обращал на образование духовенства. Владыка отказывал в хиротонии тем, кто не умел читать и писать, а также не обладал умением петь, чтобы избежать «соблазна среди людей и греха перед Богом» [Sakowicz 1935: 22]. В пастырском послании в августе 1757 г. владыка обвинил духовенство в некомпетентности, заявив: «Належало бы вас всех пробудить, собрать и учить каждого в отдельности». К посланию владыка добавил катехизис и учебник русского языка [Likowski 1906: 86]. Опираясь на приехавших в 1755 г. в Могилев двух выпускников Киевской академии, епископ Георгий двумя годами позже открыл Моголевскую духовную семинарию, на деятельность которой получил от Священного Синода 400 рублей ежегодного финансирования. Синод утвердил решения Георгия Конисского в 1758 г. [Грыгаровіч 1992: 33], а в следующем году семинария, получившая кадровое подкрепление, начала свою деятельность. Одновременно епископ Георгий открыл при своем доме типографию, которая издавала литургические книги для нужд духовенства.

Против деятельности типографии выступил католический моголевский плебан Михал Зенович, который вместе с местными иезуитами 28 января 1760 г. совершил нападение на православное учебное заведение и епископский дом. Владыка Георгий 10 сентября донес Священному Синоду, что по причине нападений семинария не может нормально функционировать, а

польская сторона ссылается на то, что в трактате с Россией от 1686 г. нет пунктов, касающихся православных школ. Георгий Конисский при этом напоминал, что семинария является наследницей частной братской школы, которая получила привилеи короля Владислава IV (1633 г.) и Яна Казимира (1650 г.). Тем не менее правовая нормализация статуса семинарии наступила только лишь после подписания международного польско-русского трактата от 13 февраля 1768 г. [Могилевская епархия 1905: 45-46]. В силу этого трактата в 1768 г. на предместьях Могилева при церкви св. Николая были построены новые семинарские здания и типография [Грыгаровіч 1992: 33; Serczyk 1967-68: 535]. Местоположение семинарских зданий было обусловлено стремлением епископа Георгия удалить их на большее расстояние от резиденции иезуитской коллегии.

В 1768 г. по благословию митрополита Киевского Арсения Слуцкий архимандрит Павел Волчанский открыл при монастыре Преображения Господня в Слуцке коллегию. В коллегии обучалась православная молодежь, а преподавателями были монахи православных монастырей Слуцка [Историко-юридические материалы 1885: 117]. В 1762 г. владыка Конисский завершил строительство кафедрального Спасского Собора, а в 1762-1785 гг. построил каменный епископский дом. Архитектура церкви Преображения Господня напоминала Виленский собор Св. Духа, поскольку архитектором обоих храмов был Ян Кристофор Глаубиц [Чарняўская 1973: 23-28]. Императрица Елизавета поддерживала финансово его деятельность, помогла также построить двухэтажную резиденцию белорусских епископов и церковь св. Георгия в Печерске [Археографический сборник 1867 / II: LXIX; Serczyk 1967-68: 535]. В 1760 г. была построена новая церковь св. пророка Илии на месте старого храма [Могилевская епархия 1905: 176]. При епископе Георгии продолжался процесс подчинения белорусской епархии Русской Православной Церкви и усиливалось влияние России на правовое положение православного населения Речи Посполитой. Сам епископ Георгий рекомендовал духовенству признавать власть Священного Синода в Санкт-Петербурге [ibid.: 535].

С самого начала своего управления могилевской епархией Георгий Конисский был вынужден противостоять деятельности архиепископа Флориана Гребницкого и могилевского плебана Михала Зеновича, которые открыли в Могилеве униатскую консисторию. Летом 1759 г. имели место волнения шляхты и католического духовенства против епископа Георгия в Орше, когда он совершал богослужение в Кутенском монастыре. Против белорусского епископа выступала также администрация Могилевской королевской экономики. Опасаясь усиливающихся конфликтов с униатами, владыка Георгий в июле 1762 г. обратился в Священный Синод с просьбой о переводе его в другую епархию. Просьба была встречена церковными властями с пониманием. Синод предложил епископу Георгию вдовствующую псковскую епар-

хию. Этому решительно воспротивилась новая императрица России, Екатерина II (1762-1796 гг.). При посредничестве своего посла в Варшаве Карла Кейзерлинга Екатерина II оказала давление на польский двор на основании жалоб Георгия Конисского [Могилевская епархия 1905: 535; Mironowicz 2008b: 239-240].

Екатерина II решительно вмешивалась в дела Православной Церкви. Императрица в своей деятельности брала пример со своего великого предшественника Петра I. Будучи сама религиозно индифферентной, Екатерина использовала дискриминацию православного населения как повод для вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой. Такая позиция получила полную поддержку белорусского епископа Георгия Конисского, который был предан российским интересам [Serczyk 1967-68: 534-536]. Владыка также многократно вмешивался в дела о преследовании православного населения в Вильне, Минске, Бресте, на Подлясье, а также в Слуцком княжестве.

Свою лояльность по отношению к Екатерине II епископ Георгий продемонстрировал, приехав на коронационные торжества, во время которых 29 сентября (10 октября) 1762 г. произнес две пламенные речи, обращенные к императрице и ее сыну. Белорусский владыка представил в них тяжелое положение православной церкви в Речи Посполитой и обратился к императрице с просьбой взять на себя защиту православного населения, которое называл ее верноподданными. Георгий Конисский просил императрицу защитить благочестивых от нападений на их правую веру. Конисский не мог публично назвать своих противников по имени, однако всем было известно, что речь шла о польском римско-католическом и униатском духовенстве [Likowski 1906: 89-90; Serczyk 1997: 151].

В том же году епископ Георгий обратился в Священный Синод с заявлением, что по причине ставших все более частыми арестов православных в Речи Посполитой он не видит пользы в своем возвращении в Могилев. Владыка опасался за свою безопасность. В ответ на многочисленные обращения Георгия Конисского Синод в феврале 1763 г. представил Екатерине II петицию по проблеме защиты православия в Польше, составленную на основании документов, полученных от белорусского епископа и киевского митрополита Арсения Могилянского.

Первоначально Екатерина II стремилась добиться гарантии основных вероисповедальных прав для православного населения. После смерти Августа III Саксонского (1733-1763 гг.) и заключения союза с Пруссией планы императрицы расширились и ее окончательной целью стало обеспечение полного равноправия православных с возможностью доступа ко всем должностям. В ситуации малочисленности шляхты православного вероисповедания и минимальной политической активности русского мещанства, главной целью политических стремлений Екатерины II было обеспечение в Речи Посполитой религиозной свободы и равноправия не католиков. По этому вопро-

су Россия и Пруссия предприняли совместные действия в защиту иноверцев на Конвокационном Сейме в 1764 г. Предложения русских послов, касающиеся равноправия православных и допущения их ко всем должностям, вызвали протесты польской шляхты. Шляхта обвинила Россию в нарушении суверенности Речи Посполитой, а православную общественность — в сотрудничестве с иностранным государством. Православные верующие ожидали изменений в правовом положении Церкви при вступлении на престол нового короля [Mironowicz 2001b: 245-246].

Епископ Георгий находился в Петербурге два года. Возникшей ситуацией воспользовались униаты, предпринимая новые попытки подчинения последней православной епархии. Преемник Флориана Гребницкого на униатской метрополичьей кафедре и в Полоцком архиепископстве Ясон Юноша Смогоржевский (1762-1780 гг.) распространял информацию о том, что Георгий Конисский якобы не возвратится в Белоруссию, так как собирается принять важную должность при Священном Синоде. Униаты утверждали, что его место должен был занять игумен одного из могилевских монастырей, Ильницкий. Митрополит Смогоржевский, ссылаясь на эту информацию, требовал признания за собой юрисдикции над православным белорусским населением. Его намерения поддержал папа римский Климент XIII (1758-1769 гг.), который убеждал короля в правильности проекта униатского митрополита. В конце 1764 г. было уже ясно, что информация о невозвращении Георгия Конисского из России была сплетен [Likowski 1906: 89]. Невзирая на это, униатский митрополит Смогоржевский неоднократно выдавал декреты, обращенные к православному духовенству и верующим [Документы униатских митрополитов 1907: 268].

Давление России на польские власти по вопросу равноправия православного населения возросло после восшествия на престол Станислава Августа Понятовского (1764-1795 гг.). Понятовский был ставленником императрицы Екатерины II, поэтому неудивительно, что православное население ожидало улучшения своего положения. О надеждах, связанных с новым монархом, свидетельствуют события в Могилеве, описанные игуменом Орестом. При известии о выборе Понятовского 11 сентября 1764 г. в городе началось большое торжество, коронация нового монарха 15 ноября также была торжественно отпразднована. Торжества начались с манифестации мещан при ратуше, где был дан залп из пушек в честь нового короля. После собрания были совершены богослужения при совместном участии православных и католиков: сначала молитвы были прочитаны в костеле, а затем все направилось в братскую церковь. После богослужения в церкви проповедь произнес профессор могилевской семинарии Василий Садковский, будущий епископ Переяславско-Бориспольский (1785-1795 гг.) [Археографический сборник 1871 / V: 92]. Описываемые торжества не были единичным случаем на землях, где проживало православное население.

Вероисповедальный вопрос при правлении Понятовского стал существенным элементом, определяющими внутреннюю и международную ситуацию государства. Власти Речи Посполитой довольно долго не могли решить эту проблему, вследствие чего православная Россия и протестантская Пруссия воспользовались существующей ситуацией. Здесь стоит привести мнение Симона Аскенасия о том, что «одним из гвоздей в гроб Речи Посполитой была проблема диссидентов» [Łubieńska 1911: VII]. Вероисповедальный вопрос появился уже на элекционном сейме в 1764 г., когда русский посол Николай Репнин (1734-1801 гг.) в Варшаве поднял проблему организации православной иерархии. Предложение Репнина было отвергнуто депутатами, а анонимный автор «Политических замечаний к правилам религии и здоровой философии» потребовал мест в сенате для униатских епископов [ibid.: VII; Mironowicz 2003b: 92].

Перед возвращением в свою епархию епископ Георгий получил от императрицы рекомендательное письмо, адресованное польскому королю, с требованием признания владыки на Могилевской кафедре и подтверждения данных ранее православному населению прав. Владыка Георгий приехал в Варшаву 22 июля 1765 г., а спустя пять дней получил аудиенцию у короля. Кроме рекомендательного письма Екатерины II к Понятовскому, епископ Могилевский вручил монарху составленный им совместно с русским послом Николаем Репниным обширный мемориал, в котором указывал на преследования православного населения и требовал равноправия в религиозной и публичной сфере. О преследованиях православных монахов униатским духовенством сообщали также настоятели монастырей белорусской епархии переяславским епископам [Архив 1864-1871: 310-311; Mironowicz 2001c: 250]. В мемориале Георгий Конисский жаловался на присвоение униатами со времени подписания вечного мира с Россией в 1685 г. около двухсот церквей и монастырей, склонение православных к принятию унии арендаторами земель во владениях королевских и шляхтетских, как это имело место в Домбровском графстве, Борисовском и Кричевском староствах, а также в Мстиславском воеводстве и Могилевской экономии; исходящие от землевладельцев запреты на восстановление уничтоженных во время пожаров церквей и ремонт в своих владениях старых храмов; присвоение церковных земель и кладбищ и передача еврейскому населению для строительства домов и корчем, как это имело место в Кричевском старостве, во владениях князя Иеронима Радзивилла и в городе Чаусы, относящимся к Могилевской экономии; подчинение православного духовенства светским судам по искам администраторов земельных владений; подчинение православного духовенства и церковных слуг арендаторам земель еврейского происхождения, которые заставляли пользоваться услугами исключительно своих мельниц и корчем, а в случае нарушения этих распоряжений присваивали приходские дома, унижали священников и закрывали церкви, что чаще всего случалось в Кричевском, Копыльском, Ревельском староствах и в Могилевской экономии;

продажа процессорами презентов на церковные имущества, а позднее введение высоких оплат за их использование; введение процессорами пошлин на церковные доходы, например, в Кричевском старостве; неуважительное отношение к православному духовенству со стороны католического и униатского клира, а также попытки помешать православным священникам исполнять свои пастырские обязанности; принуждение католическими миссионерами православных верующих к принятию униатского обряда и призывы земельных собственников и городских чиновников к изгнанию из городов людей, не желавших изменять свою веру; принуждение детей рожденных и воспитанных в православии, у которых хотя бы один родитель принял униатство, к принятию унии; позволение православным верующим, принадлежащим к приходам, занятым униатами, участвовать в богослужениях в иных церквях при условии внесения оплаты; обязанность воспитания в католической религии детей, родившихся в смешанных православно-униатских браках; отсутствие у Мстиславо-Оршанско-Могилевских епископов возможности совершать пастырские визиты в епархии без риска оскорблений со стороны униатов и латинников, в чем сам Георгий Конисский убедился, пребывая в Орше; открытие в Могилеве униатской консистории с целью усиления униатской пропаганды, благодаря помощи отлученных православных клириков, взятых униатами под свою опеку; нападение в 1760 г. шляхты и студентов, подстрекаемых могилевскими иезуитами и местным латинским плебаном, на православную могилевскую семинарию; произношение латинским духовенством проповедей, унижающих православное вероучение, и печатание пасквилей против православия; призыв могилевского латинского плебана к присвоению всех остающихся при православии церквей; предвзятость и несправедливость судов, рассматривающих иски против православных, и нежелание адвокатов их защищать; недопущение православной шляхты к каким-либо должностям [Biblioteka książąt Czartoryskich w Krakowie, nr 754, k. 138-141v; Likowski 1906: 92-94]. Кроме того, Георгий Конисский требовал возврата нелегально удерживаемых церковных владений, в том числе Печерска, Борсуков, Чвиркова и Тарасович, которые были присвоены великим литовским писарем Антонием Михалом Пацем (1750-1774 гг.). Действия Паца были предприняты в ответ на просьбу униатского митрополита Филиппа Володковича (1756-1778 гг.). Пац пытался присвоить принадлежащую епископу речную переправу на Днепре, которая принадлежала белорусскому владыке в силу привилея Михала Корибута Вишневецкого от 1673 г. Кроме того, епископ Георгий требовал от короля вмешательства в дело о нарушении прав могилевских мещан и православного духовенства королевской администрацией. Георгий Конисский предлагал отказ от практики принуждения детей из смешанных браков к принятию католической веры и допущение православных мещан к различным должностям. Владыка Георгий просил также согласия на открытие православной семинарии в Могилеве

и других греческих школ в разных местах в силу привилея короля Владислава IV [Biblioteka ksiąg Czarotoryskich w Krakowie, nr 754, k. 141v-142; Могилевская епархия 1905: 46-47]. К документам епископ Конисский приложил «Реестр монастырей и церкви грецко-русских в различном времени на унию силой отнятых, составленный июня дня 3 года 1765» [Biblioteka ksiąg Czarotoryskich w Krakowie, nr 754, k. 132-134v; Mironowicz 2008c: 191-210].

После ознакомления с документом монарх решил передать его для оценки униатским епископам. Униаты, в свою очередь, долгое время не отвечали, а позже обвинили Георгия Конисского в отсутствии доказательств представленным обвинениям. В отношении жалобы владыки на отсутствие возможности строительства и ремонта церквей король сослался на мнение униатского епископата о запрете на то действующего в Польше законодательства. Относительно присвоения униатами православных церквей, король указал, что этим вопросом должен заняться суд, до которого не униаты и так не имеют доступа. В ответ на решение короля, которое было передано российскому послу Репнину 17 октября 1765 г., Конисский составил обращение, в котором требовал создания специальной комиссии, которая бы приняла на рассмотрение требуемые доказательства. На обращение владыки Георгия ответил униатский брестский епископ, Антоний Млодковский (1764-1779 гг.) предоставив свой ответ королю 5 мая 1766 г. В пространном ответе было указано, что обвинения Георгия Конисского являются бесосновательными по отношению к действующему законодательству, которое предоставляет льготы униатам [Likowski 1906: 96-97].

Несмотря на содержание ответа на мемориал Конисского, королевская канцелярия постановила начать специальное расследование. Владыка Георгий не верил в его эффективность и отказался от участия в нем, так же, как и от требований материальной компенсации. В письме королю епископ писал: «Пострадавшая сторона компенсации за несправедливость не ищет, ищет только улучшения на будущее и о восстановление давних прав своих и привилеев просит» [Woliński 1936: 119]. Однако монарх и на этот раз высказался против возможности перехода униатов в православие (что было одним из главных постулатов Конисского), а 17 октября 1765 г. передал Репнину министеральную резолюцию с «объяснением» [Serczyk 1967-68: 535]. Королевская канцелярия от имени монарха 9 октября 1765 г. выразила согласие на открытие при братской церкви семинарии и дала распоряжение могилевскому плебану Михалу Зеновичу прекратить распространение пасквилей против белорусского епископа и православной веры. Были также подтверждены имущественные привилеи церквей и монастырей епархии. По другим вопросам, которых касался мемориал, должны были принять решения соответствующие министры [Biblioteka ksiąg Czarotoryskich w Krakowie, nr 754, k. 14: 138-142, 148-149]. В конечном итоге после длительного процесса решением Трибунала Великого Княжества Литовского от 16 октября

1765 г. униаты вынуждены были вернуть владения, являющиеся частью имущества могилевского епископа. Трибунал признал претензии униатского митрополита Володковича на эти владения безосновательными [Biblioteka ksiąg Czarторыskich w Krakowie, nr 754, k. 226v]. Посол Репнин в письме Екатерине II писал, что имевшие место выступления не принесли ожидаемых результатов, а предпринятое королевскими комиссарами следствие было прервано по просьбе самого владыки Георгия.

В очередной раз Екатерина II вмешалась в ситуацию православной церкви на Варшавском сейме в 1766 г. российский и прусский послы потребовали аннулирования закона от 1733 г., который запрещал некаатоликам занимать государственные должности. К тому же владыка Конисский, выступавший на сейме в роли советника посла Репнина, составил очередной мемориал, который был представлен королю. Мемориал требовал возвращения присвоенных униатами церквей, свободы совершения богослужений и треб вношения за это оплат настоятелям латинских приходов, прекращения нападений на могилевскую семинарию, подтверждения прав православного населения на могилевскую епархию, подчинения православного духовенства светским судам, а не судам католического клира; признания смешанных браков, в которых дети мужского пола исповедовали бы веру отца, а женского — матери; допущение православных к государственным должностям [Likowski 1906: 101-102]. Станислав Август не видел возможности уравнивания в правах православных и протестантов с католиками без предварительной отмены принципа *liberum veto*, с чем, в свою очередь, не соглашалась Россия. Родственники монарха Адам и Михал Чарторыйские разделяли взгляды большинства шляхты и не собирались поддерживать требований российского двора по вопросам иноверцев [Mironowicz 2001b: 251].

В сложившейся ситуации сейм отверг требования послов. Были приняты, однако, незначительные уступки в пользу православной церкви. Было подтверждено право свободного совершения православных богослужений в существующих церквях; право на ремонт церквей, построенных до 1717 г. и не реквизированных по приговору суда; право на содержание кладбищ при церквях, но без права совершения публичных погребений; право на строительство приходских домов при существующих церквях, с одновременным сохранением запрета на строительство новых храмов; право на рассмотрение споров о церкви и имуществе трибуналом, указанным конституционно; право на получение духовенством у землевладельцев презентов без внесения каких-либо оплат и право оставаться в полученных владениях до момента принятия законной властью соответствующего решения; освобождение от податей в пользу униатских парохов за возможность совершения треб [Likowski 1906: 102-103; Serczyk 1967-68: 535]. Под давлением католических епископов и нунция Евгения Висконтия (1760-1767 гг.) сейм воспротивился уравниванию в политических правах иноверцев. Одно-

временно униатский митрополит Филипп Володкович призывал к борьбе со «скрывающимися и тайными врагами веры». Послание униатского иерарха было направлено против православных монахов [Mironowicz 1998: 48; id. 2001c: 250].

В отместку за нежелание депутатов предоставить иноверцам равные права с католиками, Россия и Пруссия выслали войска для поддепка протестантско-православной конфедерации в Слуцке и протестантской в Торуни. Акт Слуцкой конфедерации 20 марта 1767 подписал принимавший участие в ее организации епископ Георгий Конисский. Урегулирования проблемы иноверцев требовала также часть католической шляхты. Во время генеральной конфедерации в Вильне 3 июня 1767 г. в одном из пунктов шляхта требовала равноправия православных и протестантов: «Что касается греков, дизунитов и дисидентов, как аристократического достоинства, как и простых людей: купцов, ремесленников и земледельцев, тяжело молчать о их угнетении. Человек каждого сословия и состояния, в каком-либо крае на свете, под одинаковой заслоной прав пользуется. Гражданам в особенности же нашего отечества, где в каждом сословии права и уставы наши на фундаменте равенства были утверждены. А какой же шляхтиц может быть шляхтицем, когда прав своему сословию признанным не является участником. Как мещанин мещанином, когда равен другому только в несении бремени, а не пользовании благ. Как, наконец, крестьянин крестьянином, если работать должен, а земли и дома иметь не будет. Отечество наше как мать, добрая мать, справедливая, равно всех своих детей любить должна, не взирая на недостатки человеческие, свойственные каждому. Не есть ущербом святой католической веры сохранить права и прерогативы тем, кто так как мы не верят. Состояние веры есть одно, состояние гражданское есть иное. Первое душе, второе государству принадлежит. Первое суду Божиему, второе законом отечества подчиняется. Сила Речипосполитой погибла, когда в отношении малой горстки людей равенство начали ламать. Подобне и на нашей на этот конец пришло, если бы мы право равенства, равенство минимально поделить хотели» [Mironowicz 2001b: 252; id. 2003a: 93-94].

Под давлением Петербурга и Берлина, в условиях угрозы российской оккупации сейм 1767-1768 гг. в рамках общего закона о диссидентах принял ряд уступок в пользу православных. Сейм утвердил все предложения приготовленные специально собранной комиссией. Ее работами руководил российский посол Николай Репнин, также существенную роль в ней играли Гавриил Юноша Подольский, который благодаря протекции Екатерины II получил достоинство примаса Польши (1767-1771 гг.), а также белорусский епископ Георгий Конисский [Likowski 1906: 117]. Пользуясь случаем заседания сейма были изданы в печати в Варшаве «Документы прав и вольностей гражданам Короны Польской и Великом Княжестве Литовском Религии Греческой Ориентальной исповедающим служащие».

В утвержденном сеймом законе православные получили подтверждение права на белорусское епископство, свободы культа и печати, совершения богослужений и строительства новых церквей. Закон принятый сеймом гарантировал православным право на белорусскую епархию со «всеми принадлежащими ей церквями, монастырями и их фундушами». Было, также, постановлено, что белорусский епископ «будет поставляем вечно при религии греческой ориентальной не униатской <...> и в своей епархии будет пользоваться своей юрисдикцией наравне, как католические епископы в своих епархиях пользуются, безо всяких, от кого бы то не было, препятствий». Все церкви и монастыри бесправно отнятые у православных после 1717 г. должны были быть им отданы вместе с имуществом. О судьбах спорных церквей и монастырей должны были принять решения специальные совместные суды (*iudicium mixtum*), состоящие из людей, получивших королевскую номинацию. В состав судов должны были войти четыре представителя православной общественности, четыре протестанта и восемь католиков. Работами судов должны были руководить попеременно представитель католиков и православный могилевский епископ. Православные получили также доступ к государственной службе и должностям. Религиозная принадлежность не могла быть препятствием в получении полных гражданских прав и дворянства. Впервые было заявлено, что православные являются лояльными гражданами государства и не позволительно их оскорбительно именовать «дизунитами» или «отщепенцами».

Постановления сейма только внешне казались значительным успехом православных и епископа Георгия Конисского в частности. Православные вновь могли претендовать на любые должности в государстве, сейме и сенате. Созданные смешанные суды могли наконец заняться определением фактического количества забранных униатами церквей и монастырей, чего не сделала комиссия, созванная Августом III Саксонским. Православная сторона получила реальную возможность вернуть забранные церкви и земельные владения. Немаловажно было также подтверждение сеймом основных религиозных свобод и права на белорусскую епархию. Невзирая на эти достижения в области законодательства, владыка Георгий не был удовлетворен: ему не удалось добиться права на свободу конверсии из униатства в православие. В этом вопросе его поддержали Переяславско-Бориспольская консистория, а особенно сотрудничавший с владыкой игумен Мотронинского монастыря Мелхиседек Значко-Яворовский, который в январе 1768 г. приехал в Варшаву. Мотронинский монастырь к 1753 г. насчитывал более двадцати монахов [Архив: 137; Serczyk 1968], а большинство иноков пользовалось большим духовным и нравственным авторитетом. Игумен Мотронинского монастыря Мелхиседек считался образцом монаха, способного возродить монашество на Украине. Мелхиседек был известен также умением лечить многие болезни травами и созданием первой монастырской аптеки [Архив: 773-774; Mironowicz 2014: 46-47].

В течение всего 1767 г. в канцелярию консистории приходили просьбы от жителей правобережной Украины о принятии в православие и жалобы на преследования со стороны униатов. Предпринятые Конисским и Значко-Яворским действия не принесли ожидаемых результатов, так как Россия признала вопрос решенным. Более того, ратификация сеймовой конституции, касающейся вопроса Православной Церкви в Речи Посполитой признала, что господствующим вероисповеданием в Речи Посполитой является католичество и всякая конверсия из него является преступлением [Mironowicz 2001: 256]. Эта запись интерпретировалась таким образом, что если православные уже когда-то приняли унию или латинское вероисповедание, то не могли вернуться в православную веру, и все попытки вернуть забранные для униатов церкви признавались бесосновательными.

Положение, согласно которому граждане православного вероисповедания имели право занимать государственные должности, не могло быть практически реализовано ввиду малочисленности православной шляхты. Согласно этому положению также и сам владыка Георгий ожидал для себя места в сенате, однако Россия не поддержала его стараний. Согласно Эдварду Ликовскому, причиной этого были «опасения, что епископ, входящий в польский сенат, со временем станет безразличным в отношении интересов российских и начнет брать широкое гражданское участие в интересах польских» [Likowski 1906: 117].

Принимая во внимание влияние Петербурга на результаты заседаний сейма, следовало бы ожидать более благоприятных для православия результатов. Россия имела возможность повлиять на польское правительство при реализации постановлений трактата Гржимултовского, согласно которому православным должны были принадлежать четыре существовавшие тогда епархии. Власти в Петербурге преднамеренно не воспользовались этими возможностями. С одной стороны, Россия активно включалась в борьбу за религиозное равноправие православного населения, с другой — старалась, чтобы эти права не были чрезмерно широкими в отношении проживающих в Речи Посполитой единоверцев. О том, что Россия не стремилась к обеспечению православным в Речи Посполитой равноправия, свидетельствует письмо канцлера Екатерины II Никиты Панина (1718-1783 гг.) послу Репнину от 14 (25) августа 1767 г. Защиту интересов православной церкви Панин рассматривал не как основную цель, а как средство расширения влияния России в Речи Посполитой. «Диссидентский вопрос следует провести не с целью распространения в Польше нашей и протестантской религии, а для приобретения в наших единоверцах и протестантах навсегда уверенных и сильных сторонников». Канцлер императрицы признавал, что равноправие православных было бы нежелательно, так как связало бы их более с Речью Посполитой, делая «из сегодняшних протестантов завтрашних соперников» [Woliński 1936: 120; Mironowicz 1996: 83].

Умеренная религиозная стабилизация была неожиданно нарушена в 1768 г. Недовольные результатами сейма католические магнаты и идущие за ними ополчения фанатической шляхты создали 29 февраля 1768 г. Барскую конфедерацию. Конфедерация имела антироссийский характер, ее члены выступали с лозунгами защиты католической веры и ограничения прав иноверцев. Акты Барской конфедерации аннулировали все постановления сейма 1767-1768 гг., в том числе решения по вопросу диссидентов, так как они были следствием давления России. Петербург использовал выступление Барской конфедерации как повод для поддержки восстания гайдамаков. Направляемые православным духовенством (епископом Георгием Конисским и игуменом Мелхиседеком Значко-Яворовским), гайдамаки и украинское население выступили в защиту своей веры [Mironowicz 1996: 81-84]. Российская армия первоначально не вмешивалась в происходящие события и даже поддерживала захват церквей и передачу их православным. Однако позже, когда Россия получила от короля декларацию политических уступок, российская армия приступила к подавлению народных выступлений.

В связи с созданием Барской конфедерации Георгий Конисский решил, что его дальнейшее пребывание в Речи Посполитой небезопасно, и выехал из Варшавы 2 апреля 1768 г., сначала в Могилев, а затем — в Смоленск [Serczyk 1967-68: 535]. Управление духовенством епархии Конисский передал ректору могилевской семинарии Виктору Садковскому (1741-1803 гг.), который управлял белорусской епархией до возвращения Георгия Конисского в Могилев в 1775 г. [Sakowicz 1935: 35; Mironowicz 2001a; Щеглов 2007]. Большой его заслугой было завершение строительства каменной церкви свв. апп. Петра и Павла в 1769 г. Белорусская епархия накануне первого разбора Речи Посполитой насчитывала 267 приходов, в воеводствах: мстиславском (115), витебском (109), полоцком (42) и минском (1). Главными церковными центрами были города расположенные на территории епархии: Могилев, Слуцк, Витебск, Дубровна, Гомель, Орша, Копыш и Шклов. Эти города насчитывали от трех до девяти приходов [Bieńkowski 1969: 936-938]. Главные центры религиозной жизни епархии до 1772 г. сосредотачивались вокруг монастырей, которые в отсутствие приходских церквей принимали на себя их функцию. В юрисдикции Мстиславско-Оршанско-Могилевских епископов в 1772 г. находились следующие монастыри: ревельские (мужской, Преображения Господня, и женский), полоцкий (мужской, Богоявления), мстиславский, тупичевский (мужской, Преображения Господня), кутеинские (мужской, Богоявления, и женский, Успения Пресвятой Богородицы), шкловские (мужской и женский), дисненский (мужской), буйницкий (мужской, Святого Духа), оршанский (мужской, Покрова Пресвятой Богородицы), могилевские (мужской, Богоявления, и женский), витебский (мужской), мозоловский (женский, Вознесения Господня) и баркулабовский (женский, св. Иоанна Крестителя) [Sakowicz 1935: 9-10; Mironowicz 2001c: 42-43].

Первый раздел Речи Посполитой привел к тому, что половина православного населения, вместе с белорусским епископом, оказалась в границах России. Согласно примерным расчетам, от Речи Посполитой отделилась территория, на которой проживало около 100 000 католиков, 300 000 православных и 800 000 униатов [Гляшэвіч 1933: 11; Mięcionowicz 2001b: 253]. Белорусское епископство вошло в состав Русской Православной Церкви. Города Витебск, Полоцк, и Двинск с окрестностями вошли в состав Псковской епархии, а на оставшихся землях (могилевская, оршанская, мстиславская и рогачевская) была создана Могилевская епархия. Эта епархия получила название Могилевско-Мстиславско-Оршанской, а ее предстоятелем стал епископ Георгий Конисский [Могилевская епархия 1905: 48]. Знаменательно, что после 1772 г. уменьшилось число приходов, находящихся на территории Могилевской епархии. В 1777 г. в границах Белорусской епархии находилось 10 монастырей и 124 приходских храма. Оценивается, что после первого раздела Речи Посполитой на территории епархии осталось около 250 000 православных верующих [Филатова 1992: 86; Філатава 1998: 5-6]. Уменьшение количества приходов было результатом изменения епархиальных границ и политики Екатерины II, распорядившейся о ликвидации небольших приходов и обедневших монастырей. На землях бывшей Белорусской епархии оставалось несколько обителей: могилевская (Богоявления), буйничская (Святого Духа), оршанско-кутеинские (мужская и женская), мстиславско-тупичевская (Св. Духа) и баркулабовская [Титов 1916: 117].

После раздела Речи Посполитой в польско-русском трактате от 7 (18) сентября 1773 г. католикам и униатам была гарантирована свобода вероисповедания на землях, присоединенных к России. Пользуясь этой свободой, часть униатских приходов перешла в латинство, а часть выразила желание перейти в православие [Likowski 1906: 169-191]. Петербург обеспечил себе право надзора за порядком и опеку над православным населением в Речи Посполитой. Особое урегулирование проблем православного населения должно было оговариваться в специальном двустороннем трактате. В политике России в отношении православного населения на белорусских землях по-прежнему доминировали государственные интересы, а не реальное желание изменения статуса Православной Церкви в Речи Посполитой [Mięcionowicz 1996: 84-94; id. 2001b: 253-267]. Владыка Георгий старался убедить Екатерину II выразить согласие на переход униатов в православие. Первоначально Петербург был против этого, и в 1773 г. Конисский получил распоряжение написать пастырское послание, в котором остановил бы принятие униатов в православие. Одновременно послание предлагало униатам писать свидетельства о готовности принять православие. Эти свидетельства следовало передавать православным землевладельцам и чиновникам администрации. Только в 1780 г. по декрету Екатерины II белорусский епископ получил право присоединения вдовствующих униатских приходов к Православной Церкви.

На основании вышеупомянутого декрета Георгий Конисский напомнил о судебной ответственности всем, кто не хотел подчиниться положениям закона. В результате этого только в 1781-1783 гг. численность православных в его епархии возросла на 112.578 человек.

23 сентября 1783 г. Георгий Конисский получил сан архиепископа белорусского и стал членом Священного Синода. Таким образом он получил возможность реально влиять на политику России в отношении православного населения в Речи Посполитой. В 1785 г. он поддержал своего бывшего секретаря епархии Виктора Садковского как кандидата на епископство Переяславско-Бориспольское. В юрисдикции предстоятеля этого епископства находилось православное население на территории Речи Посполитой [Грыгаровіч 1992: 24; Mironowicz 2006: 253-266]. Участие Георгия Конисского в делах Православной Церкви в Польше ограничивалось дипломатической и агитационной деятельностью. В ответ на распространенный анонимный проект перехода униатов на католицизм Конисский в 1786 г. написал мемориал, призывающий униатов перейти в православие при поддержке России [Serczyk 1967-68: 536]. Мысль о присоединении униатов к православию преследовала Георгия Конисского уже давно. Еще в 1768 г., будучи епископом Белорусским, он вел переговоры на эту тему с прелатом и официальном Острожским, ксендзом Георгием Туркевичем [Likowski 1906: 122-123].

Во время заседаний Великого Сейма в подготовленном сеймовой делегацией материале от 1790 г. по вопросу бунта, Георгия Конисского охарактеризовано как автора «всех полезных для Москвы и губительных для Польши проектов». Из этого следует, что епископ Конисский поддерживал православное население в Речи Посполитой до последних лет своей жизни, постоянно интересуясь оставшейся на территории Речи Посполитой частью Мстиславско-Оршанско-Могилевской епархии. Владыка Георгий умер 13 (24) февраля 1795 г. О привязанности Георгия Конисского к Могилеву свидетельствует факт, что владыка был погребен в кафедральном Соборе Преображения Господня [Могилевская епархия 1905: 44].

Георгий Конисский, последний предстоятель белорусской епархии в период, когда она находилась в границах польского государства, был известен не только как выдающийся иерарх, но и как полемист, политик и специалист по истории Православной Церкви. Владыка оставил множество полемических и литературных произведений, написанных на польском, латинском и русском языках, проповедей, посланий и рапортов, обращенных к правителям России и Польши, который представляют собой ценный исторический источник. Георгий Конисский не скрывал своих пророссийских симпатий, но оставался лояльным иерархом в отношении Речи Посполитой.

Источники и библиография

- ARHEOGRAFIČESKIJ SBORNIK (1867), Arheografičeskij sbornik dokumentov, odnosâsihsâ k istorii Severo-Zapadnoj Rusi, izdavaemyj pri Upravlenii Vilenskogo učebnogo okruga, t. II, Vil'no. [АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК (1867), Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа, т. II, Вильно].
- ARHEOGRAFIČESKIJ SBORNIK (1871), Arheografičeskij sbornik dokumentov, odnosâsihsâ k istorii Severo-Zapadnoj Rusi, izdavaemyj pri Upravlenii Vilenskogo učebnogo okruga, t. V, Vil'no [АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК (1871), Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа, т. V, Вильно 1871].
- ARCHIV (1865-71), Archiv Ūgo-Zapadnoj Rossii, izdavaemyj vremennoj komisziej dlâ razbora drevnih aktov, vysočajše učreždennuû pri Kievskom Voennom, Podol'skom i Volynskom general-gubernatore, č. 1, t. II, Materialy dlâ istorii pravoslaviâ v Zapadnoj Ukraine v XVIII st.: Arhimandrit Melhisedek Značko-Âvorskij (1759-1771), Kiev 1864; č. 1, t. III, Kiev 1864; č. 1,t. IV, Kiev 1871. [Архив (1864-71), Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденную при Киевском Военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе, ч. 1, т. II, Материалы для истории православия в Западной Украине в XVIII ст.: Архимандрит Мелхиседек Значко-Яворский (1759-1771), Киев 1864; ч. 1, т. III, Киев 1864; ч. 1, т. IV, Киев 1871].
- VERŽBOLOVIČ, M. I. (1893), Pervyj period Sušestvovaniâ Minskoj Duhovnoj Seminarii (1785-1817 gg.), [v:] Minskie eparhial'nyevedomosti, 1892: № 22; № 23; № 24; 1893: № 1. [ВЕРЖБОЛОВИЧ, М. И. (1893), Первый период существования Минской Духовной Семинарии (1785-1817 гг.), [в:] Минские епархиальные ведомости, 1892: № 22; № 23; № 24; 1893: № 1].
- GRYGAROVIČ, I. (1992), Belaruskaâ ierarhiâ: Da 1000-goddzâ hrysciânstva Na Belarusi, Minsk [ГРЫГАРОВИЧ, И. (1992), Беларуская іерархія: Да 1000-годдзя хрысціянства на Беларусі, Мінск.]
- DOKUMENTY UNIATSKIH MITROPOLITOV (1907), Sbornik dokumentov, uâsnâûših otnošenie latino-pol'skoj propagandy k pravoslaviû, vyp. 2, Vil'no [ДОКУМЕНТЫ УНИАТСКИХ МИТРОПОЛИТОВ (1907), Сборник документов, уясняющих отношение латинопольской пропаганды к православию, вып. 2, Вильно].
- İL'ÂŠEVIČ, M. (1933), Rasijskaâ palityka nazemlâh byloga Belaruska-Litoŭskaga gaspadarstva za panavannâ Kačârnyu II i Paŭla I (1772-1801), Vil'nâ [Льяшэвіч, М. (1933), Расійская палітыка на землях былога Беларуска-Літоўскага гаспадарства за панавання Кацярыны II і Паўла I (1772-1801), Вільня].
- ISTORIKO-ÛRIDIČESKIE MATERIALY (1885), Istoriko-ûridičeskiematerialy, izvlečennye iz aktovyh knig gubernij Vitebskoj i Mogilevskoj, pod. red. Sozonova, t. XVI, Vitebsk [ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ (1885), Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, под ред. Созонова, т. XVI, Витебск].
- KONISSKIJ, G. (1835-1861), Sobranie sočinenij Georgiâ Konisskogo, arhiepiskopa belorusskogo s portretom i žizneopisaniem ego, izd. prot. Ioannom Grigorovičem, č. 1-2, Sankt-Peterburg 1835; č. 1-2, Sankt-Peterburg 1861 [Конисский, Г. (1835--1861), Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа белорусского с портретом и жизнеописанием его, изд. прот. Иоанном Григоровичем, ч. 1-2, Санкт-Петербург 1835; ч. 1-2, Санкт-Петербург 1861].

- КОНИСКИЙ, Г. Voskresenie mertvyh, [v:] Letopisi russkoj literatury i drevnosti, № 3 (1861) [Конисский, Г. (1861), Воскресение мертвых, [в:] Летописи русской литературы и древности, № 3 (1861)].
- МІНСКАА ЕПАРНІА (1864), Istoriko-statističeskoe Opisanie Minskoj eparhii, sostavlennoe rektorom Minskoj Duhovnoj Seminarii Arhimandritom Nikolaem, Sankt-Peterburg [Минская епархия (1864), Историко-статистическое описание Минской Епархии, составленное ректором Минской Духовной Семинарии Архимандритом Николаем, Санкт-Петербург].
- МОГИЛЕВСКАА ЕПАРНІА (1905), Mogilevskaâ eparhiâ Istoriko-statističeskoe opisanie, t. I, vур. III, Mogilev [МОГИЛЕВСКАЯ ЕПАРХИЯ (1905), Могилевская Епархія. Историко-статистическое описание, т. I, вып. III, Могилев].
- RUNKEVIČ, S. G. (1893), Kratkij istoričeskij očerk 100-letia Minskoj eparhii, Minsk [Рункевич, С. Г. (1893), Краткий исторический очерк 100-летия Минской епархии, Минск].
- SAPUNOV, A. P. (1889), Istoričeskie sud'by Polockoj eparhii s drevnejših vremen do poloviny XIX veka, Vitebsk [САПУНОВ, А. П. (1889), Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX века, Витебск].
- ТИТОВ, Ф. И. (1907), Russkaâ pravoslavnaâ cerkov' v Pol'sko-Litovskom gosudarstve v XVII-XVIII vv., t. II, č. 2, Zapadnaâ Rus' v bor'be za veru i narodnost' v XVII-XVIII vv. [Титов, Ф. И. (1907), Русская православная церковь в Польско-Литовском государстве в XVII-XVIII вв., т. II, ч. 2, Западная Русь в борьбе за веру и народность в XVII-XVIII вв. Книга первая второй половины тома, Киев].
- ТИТОВ, Ф. И. (1916), Russkaâ pravoslavnaâ cerkov' v Pol'sko-Litovskom gosudarstve v XVII-XVIII vv., t. III, č. 1, Kiev [Титов, Ф. И. (1916), Русская Православная Церковь в Польско-Литовском государстве в XVII-XVIII вв., т. III, ч. 1, Киев].
- FILATOVA, A. M. (1992), Paŭstanne 1794 g. na Belarusi i Litve, [v:] Aktual'nye pytanni historyi Belarusi, red. V. F. Kušner, Minsk [Филатова, А. М. (1992), Паўстанне 1794 г. на Беларусі і Літве, [в:] Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі, ред. В. Ф. Кушнер, Минск.]
- FILATOVA, A. M. (1998), Hrysciânskiâ kanfesii paslâ dalučennâ da Rasijskaj imperii (1772-1860 gg.), [v:] Kanfesii na Belarusi (kan. XVIII-XX st.), red. Grygor'eva V. V., Zaval'nûk U. M., Navicki U. I., Filatava A. M., Minsk [ФІЛАТАВА, А. М. (1998), Хрысціянскія канфесіі пасля далучэння да Расійскай імперіі (1772-1860 гг.), [в:] Канфесіі на Беларусі (кан. XVIII-XX ст.), ред. Грыгор'ева В. В., Завальнюк У. М., Навіцкі У. І., Філатава А. М., Мінск.]
- Čarnâŭskaâ, T. I. (1973), Arhitektura Magileva, Minsk [ЧАРНЯЎСКАЯ, Т. І. (1973), Архітэктурa Магілева, Мінск].
- ŠEGLOV, G. È. (2007), Preosvâšennyj Viktor Sadkovskij, pervyj Minskij arhiepiskop, Minsk [ЩЕГЛОВ, Г. Э. (2007), Преосвященный Виктор Садковский, первый Минский архиепископ, Минск].
- BIBLIOTEKA KSIĄŻĄT CZARTORYSKICH W KRAKOWIE: nr-y: 144, 754, 846, 884, 957, 1792, 1796.
- BARTOSZEWICZ, K. (1880), Szkice do dziejów Kościoła ruskiego w Polsce, Kraków.
- BIEŃKOWSKI, L. (1969), Organizacja Kościoła wschodniego w Polsce, [w:] Kościół w Polsce. Studia nad historią Kościoła katolickiego w Polsce, pod red. J. Kłoczowskiego, t. II, cz. 2, Kraków.
- LIKOWSKI, E. (1906), Dzieje Kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku, Warszawa.
- ŁUBIEŃSKA, J. (1911), Sprawa dysydencka 1764-1766, Kraków.
- MIRONOWICZ, A. (1987), Święty Gabriel Zabłudowski, [w:] Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego, R. XVII, z. 1.

- MIRONOWICZ, A. (1996), Cerkiew prawosławna na terenie Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 1772-1795, [w:] *Ziemie północne Rzeczypospolitej Polsko-Litewskiej w dobie rozbiorowej 1772-1815*, pod red. M. Biskupa, Warszawa-Toruń, s. 81-94.
- MIRONOWICZ, A. (1998), *Życie monastyczne na Podlasiu*, Białystok 1998.
- MIRONOWICZ, A. (2001a), *Ihumen Sawa Palmowski*, Białystok.
- MIRONOWICZ, A. (2001b), *Kościół prawosławny w dziejach dawnej Rzeczypospolitej*, Białystok.
- MIRONOWICZ, A. (2001c), *Życie monastyczne w dawnej Rzeczypospolitej*, [w:] *Życie monastyczne w Rzeczypospolitej*, pod red. A. Mironowicza, U. Pawluczuk, Białystok.
- MIRONOWICZ, A. / PAWLUCZUK, U. (red.) (2001), *Życie monastyczne w Rzeczypospolitej*, Białystok.
- MIRONOWICZ, A. (2003a), *Józef Bobrykowicz, biskup białoruski*, Białystok.
- MIRONOWICZ, A. (2003b), *Diecezja białoruska w latach 1697-1772*, [w:] *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, nr 19, Białystok.
- MIRONOWICZ, A. (2004), *Kultura prawosławna w dawnej Rzeczypospolitej*, [w:] *Rzeczpospolita wielu wyznań*, pod red. A. Kaźmierczyka, A. Link-Lenczowskiego, M. Markiewicza i K. Matwijowskiego, Kraków.
- MIRONOWICZ, A. (2005), *Pierwszy władca mściśławski — Józef Bobrykowicz*, [w:] *Między zachodem a wschodem. Etniczne i religijne pogranicza Rzeczypospolitej w XVI-XVIII wieku*, Toruń.
- MIRONOWICZ, A. (2006), *Kościół prawosławny w Polsce*, Białystok.
- MIRONOWICZ, A. (2008a), *Biskupi mohylewscy Józef i Hieronim Wołczańscy*, [w:] *Wiara i poznanie. Księga pamiątkowa dedykowana Jego Eminencji Profesorowi Sawie Hrycuniakowi*, Białystok.
- MIRONOWICZ, A. (2008b), *Diecezja białoruska w XVII i XVIII wieku*, Białystok.
- MIRONOWICZ, A. (2008c), *Rejestr monasterów i cerkwi Grecko-ruskich różnemi czasy na unię gwałtownie odjętych*, „*Białoruskie Zeszyty Historyczne*”, nr 30, Białystok.
- MIRONOWICZ, A. (2014), *Życie monastyczne klasztorów obrządku wschodniego w dawnej Rzeczypospolitej*, [w:] *Klasztory mniszne na wschodnich terenach dawnej Rzeczypospolitej od XVI do początku XX wieku*, pod red. J. Gwioździk, R. Witkowskiego, A. M. Wyrwy, Poznań.
- SAKOWICZ, E. (1935), *Kościół prawosławny w Polsce w epoce Sejmu Wielkiego*, Warszawa.
- SERCZYK, W. (1997), *Katarzyna II carowa Rosji*, Warszawa.
- SERCZYK, W. (1967-1968), *Konisski Georgij (Jerzy)*, [w:] *Polski Słownik Biograficzny*, t. XIII, Wrocław-Warszawa.
- SERCZYK, W. (1968), *Melchizedek Znaczko-Jaworski i monaster motreniński przed koliszczyzną*, [w:] *Studia Historyczne*, Warszawa.
- WOLIŃSKI, J. (1936), *Polska i Kościół prawosławny. Zarys historyczny*, Lwów.